

СОЦИОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

УДК 16

АНАЛИЗ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПОНЯТИЯ «ЭПИСТЕМА»: СТРУКТУРНЫЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2014 г.

О.В. Колесова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kolesovaov@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.10.2013

Гносеологическая значимость понятия «эпистема» отражена в структурном и инструментальном аспектах. Понятие «эпистема» показано как структура социокультурной общности. В качестве сегментов структуры выделены «слова» и «вещи». Отношения преобразования между сегментами отражены с позиций двух уровней: интегративного и дистрибутивного. Выявлена инструментальная значимость понятия «эпистема».

Ключевые слова: эпистема, структура, структурный уровень, историческое априори, превращённая форма, дистрибутивные отношения, интегративные отношения.

Понятие «эпистема» введено М. Фуко в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» для обозначения структуры «познавательного поля» определённой исторической общности [1]. Позиционирование эпистемы как структуры социокультурного образования обязывает нас для выяснения когнитивной значимости понятия «эпистема» перейти к её структурному анализу. Для осуществления процедуры структурного анализа нам необходимо выполнить следующие операции:

- выделить первичное множество объектов, в которых можно предполагать одинаковые или сходные структуры;
- расчленить объекты на элементарные части (сегменты), в которых типичные, повторяющиеся отношения связывают разнородные элементы;
- раскрыть отношения преобразования между сегментами, систематизировать их и построить абстрактную структуру;
- вывести из структуры все возможные теоретические следствия (конкретные варианты, которые могут быть представлены, на наш взгляд, как инструментальная значимость).

Цель структурного анализа заключается в поиске системообразующего фактора культуры, в выявлении единых структурных закономерностей некоторого множества культурных объектов. Этот системообразующий фактор – структура. Она представляется не просто как «скелет» того или иного культурного объекта, но как совокупность правил, по которым путём

перестановки его элементов из одного элемента можно получить второй, третий и т.д. С точки зрения структурного метода, это единообразие выявляется не за счёт отбрасывания различий объектов, а путём выведения различий как превращающихся друг в друга конкретных вариантов единого абстрактного образа.

Такой структурой у Фуко является эпистема – матрица знания. Её понимание может быть достигнуто благодаря выявлению «мыслительных предпосылок познания», определяемых отношением «слов» и «вещей». Мы полагаем, таким образом, «элементарными частями» или сегментами эпистемы – «слова» и «вещи». М. Фуко специфику диспозиций «слов» и «вещей» обозначает как существование трёх эпистем, следующих друг за другом: ренессансной, классической и современной.

Исследование культурных артефактов с позиции структурного анализа имеет свои особенности. Так, Р. Барт, исследуя тексты, выделяет в них смысловые уровни. Он утверждает, что типы отношений между элементами могут быть представлены двумя вариантами. В этой связи он выделяет отношения, устанавливаемые между элементами одного уровня, – дистрибутивные, и отношения, устанавливаемые между элементами разного уровня, – интегративные. Дистрибутивные отношения сами по себе ещё не способны передать смысл. Следовательно, в целях структурного анализа необходимо сначала выделить несколько планов описания и под-

чинить их иерархической (интегративной) перспективе [2, с. 392].

Эпистема, будучи структурой социокультурного образования, может быть представлена двумя уровнями существования. Один уровень даёт понимание эпистемы как некоего исторического априори. Эта позиция отсылает нас к кантовским априорным структурам.

Следуя критической традиции, идущей от Канта, в её границах свои исследования располагает и Фуко. Фуко понимает под критикой анализ границ, рефлексию над ним. Кантовская критика – трансцендентальная критика не ставит вопрос о том, каким образом мы пришли к тому, что есть. В письме Канта Герцу от 1789 года содержится следующая мысль: «...такое чувственное созерцание, как форма нашей чувственности, или такие функции рассудка, как те, которые выводит из него логика, или как получается, что одна форма согласуется с другой в одном возможном познании, – это нам совершенно невозможно объяснить, иначе нам нужно было бы иметь ещё и другой вид созерцания, отличный от того, который нам свойствен, и другой рассудок, с которым мы могли бы сравнивать наш рассудок (это операция третьего, третьей точки, с которой можно смотреть), и каждый из них определённо представлял бы вещь саму по себе...» [3, с. 49–50].

М. Мамардашвили, комментируя позицию «третьего» как некоей точки зрения вне всех миров, с которой мы могли бы проанализировать происхождение наших форм времени и пространства, ссылается на позднего Канта, на его мнение о том, что нам достаточно выяснить, каковы они (формы). Когда это у нас уже есть, нам достаточно понять это [3, с. 40–41]. Мамардашвили приходит к заключению о том, что в «основаниях нашей сознательной жизни, нашего философствования и нашей науки лежат какие-то далее неразлагаемые вещи, которые мы должны суметь принять как факт» [3, с. 41].

М. Фуко предпринимает историко-практическое исследование границ, которые можно преодолевать. Кантовская критика претендовала на поиск структур, имеющих всеобщее значение. Фуко предлагает преобразовать задачи критики, которая должна отталкиваться от вопроса о том, «какова доля единичного, случайного, вызванного произвольным принуждением», и о том, что «дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное» [4, с. 358].

К. Купман следующим образом трактует исследовательский подход Фуко: «Фуко – кантианец, но не трансцендентальный идеалист, он берёт у Канта проект критики, но не проект трансцендентальной критики» [5, с. 106].

«Условия возможности» или «историческое априори» у Фуко не берутся как универсальные или необходимые. Они рассматриваются как границы или пределы. Исследование такого типа имеет локальный характер, то есть обращается к конкретным явлениям социокультурной действительности. При этом невозможно занять такую позицию, которая дала бы доступ к исчерпывающему ответу о том, что определяет исторические пределы человека. Следовательно, опыт, получаемый об этих пределах, ограничен и требует возобновления.

Решающей для понимания критического проекта Фуко является разница между простой констатацией случайностей и исследованием того, как объекты или явления были случайно согласованы.

В.А. Лекторский обращает внимание на то, что историческое априори – это не что иное, как «воплощение определённого правила увязывания разнообразных чувственных впечатлений» [6, с. 206].

Таким образом, эпистемическое образование, понимаемое как историческое априори, позволяет нам соотнести данный уровень его существования с пониманием интегративного уровня, так как этот уровень, воспринимаемый как общий закон или принцип организации, обеспечивает связь между элементами разных уровней. Это выражение вертикальных связей, существующих в определённой эпистеме.

Горизонтальный уровень, на наш взгляд, фиксируется определённой связью в каждом эпистемическом образовании между словами и вещами. Слова и вещи в рамках одной эпистемы представляют дистрибутивные отношения. Думается, своеобразным метафорическим подтверждением такому видению может послужить мнение Ж. Делёза. Отмечая иронический характер названия работы «Слова и вещи», Делёз замечает: «К вещам обращаются для того, чтобы извлечь из них видимости. И видимость в определённое время – это режим освещения и блеск, сверкание, вспышка, возникающая при контакте света с вещами» [7, с. 128].

Таким образом, эпистема представляет собой структуру социокультурного образования. Она включает два уровня своего существования, совокупность которых при проецировании связей между словами и вещами на имплицитно существующую вертикальную ось исторического априори позволяет судить о её семантическом наполнении. Понимание эпистемы как «правила увязывания», «неразлагаемой вещи» отсылает нас к марксовой превращённой форме. Превращённая форма является результатом превращения внутренних отношений сложной

системы, происходящего на определённом уровне и скрывающего фактически характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями [8, с. 507]. Термин «превращённая форма» прилагается к «органическим» или «диалектически-расчленимым» целостностям.

Эпистема, на наш взгляд, может быть представлена как «диалектически-расчленимая» целостность благодаря наличию в ней двух выявленных нами уровней существования. В ней действительные отношения – отношения слов и вещей отличаются от внутренней связи, выраженной как историческое априори. Историческое априори снимается этой связью. Эпистема, являясь продуктом и отложением превращённости действия связей интегративного и дистрибутивного уровней, самостоятельно бытийствует как отдельное, качественно цельное явление, «предмет» наряду с другими.

Инструментальная значимость понятия «эпистема»

В результате проведённого исследования представляется возможным, на наш взгляд, описать инструментальную значимость понятия «эпистема» со следующих позиций:

– понятие «эпистема» позволяет выявить социокультурные особенности исторических общностей;

– понятия «эпистема» даёт структурное видение эпох с позиций присущих им познавательных предпосылок;

– понятие «эпистема» позволяет выявить вертикальные смысловые и горизонтальные маркерные связи внутри исторических общностей.

Резюмируя сказанное, мы приходим к следующим выводам. Гносеологическая значи-

мость понятия «эпистема» заключается в том, что, являясь структурой социокультурного образования, она позволяет выявить особенности исторической общности. С помощью понятия «эпистема» выделяется «проблемное поле», достигнутое к определённому времени. Структура понятия «эпистема» представлена двумя уровнями. Интегративные отношения вертикального уровня выражены как историческое априори. Дистрибутивные связи «слов» и «вещей» представляют горизонтальный уровень. Эпистема, являясь продуктом и отложением превращённости действия связей интегративного и дистрибутивного уровней, самостоятельно бытийствует как отдельное, качественно цельное явление, «диалектически-расчленимая» целостность.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
2. Барт Р. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. 512 с. (с. 387–422).
3. Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997. 320 с.
4. Фуко М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Практика, 2002. 384 с.
5. Koopman C. Historical Critique or Transcendental Critique in Foucault: Two Kantian Lineages // Foucault Studies. 2008. № 5. P. 5–25.
6. Лекторский В.А. Философия и исследования когнитивных процессов. Вместо введения / Когнитивный подход. Научная монография. М.: «Канон» + РООИ «Реабилитация», 2008. 464 с.
7. Делёз Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. 234 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 26. Ч. III. 703 с.

ANALYSIS OF GNOSEOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE CONCEPT «EPISTEME»: STRUCTURAL AND INSTRUMENTAL ASPECTS

O.V. Kolesova

Gnoseological significance of the concept «episteme» is reflected in the structural and instrumental aspects. The concept «episteme» is shown as a structure of the socio-cultural community. «Words» and «things» are identified as segments of the structure. Conversion relations between segments are reflected from a perspective of the two levels: integrative and distributive. Instrumental significance of the concept «episteme» is revealed.

Keywords: episteme, structure, structural level, historical a priori, converted form, distributive relations, integrative relations.

References

1. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk. SPb.: A-cad, 1994. 408 s.
2. Bart R. Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, jesse. M.: MGU, 1987. 512 s. (s. 387–422).
3. Mamardashvili M. Kantianskie variacii. M.: Agraf, 1997. 320 s.
4. Fuko M. Chto takoe Prosveshhenie? // Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. Ch. 1. M.: Praxis, 2002. 384 s.
5. Koopman C. Historical Critique or Transcendental Critique in Foucault: Two Kantian Lineages // Foucault Studies. 2008. № 5. R. 5–25.
6. Lektorskij V.A. Filosofija i issledovanija kognitivnyh processov. Vmesto vvedenija / Kognitivnyj podhod. Nauchnaja monografija. M.: «Kanon» + ROOI «Reabilitacija», 2008. 464 s.
7. Deljoz Zh. Peregovory. SPb.: Nauka, 2004. 234 s.
8. Marks K., Jengel's F. Soch. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1963. T. 26. Ch. III. 703 s.